

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264

УДК [811.512.154:811.161.1]’373:81’27

Научная статья / Research article

Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах

В.И. Коваль

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ул. Советская, д. 104, Гомель, Республика Беларусь 246017
vlad-kov@mail.ru

В статье в сопоставительном аспекте описываются основные символические значения зоонома *мышь* в славянской и китайской лингвокультурах. Исследование символики животных в русской (шире — славянской) и китайской культурных традициях относится к числу актуальных направлений современной лингвистики, имеющей, с одной стороны, ярко выраженную антропоцентрическую направленность, а с другой — характеризующейся заметным возрастанием интереса к китайскому языку и культуре Китая в разных странах мира. Обращение к исследованию сложной и неоднозначной символики мыши вполне своевременно и с учетом приуроченности 2020-го года к году Белой Крысы/Мыши. Цель исследования заключается в выявлении сходных и специфических для каждой культуры особенностей восприятия и характеристики мыши как животного, оказывающего значительное влияние на повседневную жизнь человека. К задачам работы относится установление источников возникновения негативно коннотированного образа мыши в культуре, определение амбивалентного характера обрядов, обычаев и ритуальных действий, объектом которых являются мыши, а также раскрытие содержания обычая «Мышиная свадьба» в китайской и южнославянской традициях. Анализ фактического материала (устойчивых словосочетаний, фольклорных текстов, этнокультурных записей, традиционных рисунков) показал, с одной стороны, преимущественно негативную символику мыши в славянской духовной культуре, а с другой — восприятие мыши как животного, приносящего материальный достаток и благополучие, в традиционной картине мира китайцев. Вместе с тем установлено, что как славяне, так и китайцы используют ряд магических приемов, направленных на борьбу с мышами, наносящими немалый ущерб крестьянскому хозяйству. Значимым для лингвокультурологического анализа образа мыши является обращение к восточным фольклорным текстам, а также к традиционным лубочным картинкам китайцев и русских, по-разному отражающих символику мышей и их отношение к главному врагу — кошке.

Ключевые слова: мышь, символика, китайская традиционная культура, славянская культурная традиция, фразеология, сказка, лубочная картинка, обряд

История статьи:

Дата поступления: 20.02.2020

Дата приема в печать: 01.03.2020

© Коваль В.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Коваль В.И. Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 250—264. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264

UDK [811.512.154:811.161.1]’373:81’27

Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures

Vladimir I. Koval

Gomel State University named after Francis Skorina
St. Sovetskaya, 104, Gomel, Republic of Belarus, 246017
vlad-kov@mail.ru

The article describes in comparative aspect the main symbolic meanings of the zoononym mouse in Slavic and Chinese linguocultures. The study of animal symbolism in Russian (wider — Slavic) and Chinese cultural traditions is one of the current trends in modern linguistics, which, on the one hand, has a pronounced anthropocentric orientation, and on the other, is characterized by a noticeable increase in interest in the Chinese language and culture of China in different countries of the world. Turning to the study of complex and ambiguous symbolism of the mouse is quite timely and taking into account the confinement of 2020 to the year of the White Rat / Mouse. *The purpose of the study* is to identify similar and specific for each culture features of perception and characteristics of the mouse as an animal, which has a significant impact on everyday life. The tasks of the work include identifying the sources of the appearance of a negatively connotated mouse image in culture, determining the ambivalent nature of rituals, customs and ritual actions, the object of which are mice, as well as revealing the contents of the “Mouse Wedding” custom in Chinese and South Slavic traditions. The analysis of the actual material (stable phrases, folklore texts, ethnocultural records, traditional drawings) showed, on the one hand, the mostly negative symbolism of the mouse in the Slavic spiritual culture, and on the other, the perception of the mouse as an animal, bringing material wealth and prosperity, in the traditional picture of the world the Chinese. At the same time, it was established that both the Slavs and the Chinese use a number of magic tricks aimed at fighting mice that cause considerable damage to the peasant economy. Significant for the linguoculturological analysis of the mouse image is the appeal to oriental folklore texts, as well as to traditional popular prints of Chinese and Russians, reflecting differently the symbolism of mice and their relation to the main enemy — the cat.

Key words: mouse, symbolism, Chinese traditional culture, Slavic cultural tradition, phraseology, fairy tale, popular print, rite

Article history:

Received: 20.02.2020

Accepted: 01.03.2020

For citation:

Koval, V.I. (2020). Symbol of Mouse in Slavonic and Chinese Linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 250—264. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264

Введение

Зоонимическая лексика является традиционным объектом исследования лингвистов в различных аспектах (в том числе — и в сопоставительном), однако, несмотря на значительное количество работ в этой сфере, ряд вопросов, относящихся прежде всего к рассмотрению данного вида номинаций на широком этнокультурном фоне, остается нерешенным. Цель данной статьи заключается в выявлении сходных и специфических для славянской и китайской культуры особенностей восприятия и характеристики мыши как животного, оказывающего значительное влияние на повседневную жизнь человека.

В традиционной культуре славянских народов слово *мышь* ‘небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве’ устойчиво ассоциируется с комплексом негативных представлений, которые обусловлены хтонической и демонической природой этого животного, а также его ритуальной «нечистотой» и вредоносностью.

Отношением к мышам как к «потусторонним» существам объясняется их табуизация. О.Н. Трубачев трактовал праславянскую номинацию **mysь* как «табуистическое название с исходным значением ‘серая» [1. С. 28; 2. С. 65]. Сравн. белорусское поверье, связанное с повседневным запретом на упоминание о мышах за едой [3. С. 408]. К указанным представлениям может быть отнесен и диалектный фразеологизм *мышиный огонь*, употребляющийся для обозначения светящихся гнилушек [4. С. 70], воспринимаемых людьми как нечто необъяснимое и таинственное.

В китайском языке толкование зоонима *мышь* включает как нейтральные признаки, описывающие внешний вид и физиологические особенности животного (‘представитель млекопитающих, передние резцы которого растут до конца жизни’; ‘часто грызет вещи и стирает резцы’, ‘быстро размножается’, ‘имеет очень много разновидностей’), так и негативные характеристики, указывающие на вредоносность мышей: ‘является разносчиком заболеваний’, ‘наносит вред земледелию и лесоводству’, ‘портит еду, запасы и постройки’) [5].

1. Негативные коннотации образа мыши в культуре

Причиной массовой музофобии (боязни мышей) считается, с одной стороны, генетическая память современных людей об условиях жизни предков, живших в непосредственной близости с вредоносными грызунами, а с другой — страх перед чем-то неизведанным, таинственным, потусторонним, а значит — потенциально опасным.

Характеризуя образ мыши в связи с культом бога Аполлона в одной из его ипостасей — Аполлона-Сминфея (Аполлона Мишиного), Максимилиан Волошин обращал внимание на ощущение страха, охватывающего людей при виде мыши, и видел причину этого состояния не во внешности животного, а в его быстрых, неуловимых, «мелькающих» движениях, ассоциирующихся с быстротечностью времени: «Страх мышей представляет одну из удивительнейших загадок человеческой души. Этот ужас реально связывает нашу душу с какими-то

древними и темными счетами, память о которых сохранилась лишь в виде почти стертых, почти потерявшего смысл символа. Трудно определить и выяснить характер этого ужаса мыши: он не основан ни на чем реальном, ни на чем разумном. В нем нет ни сознания опасности, ни отвращения к безобразию формы. Мышь не безобразна, не во внешности ее лежит источник ужаса. Те, кто подвержены этому страху, не успевают различить ее наружности. Они скорее склонны определять это ощущение ужаса мелькающим движением ее, быстрым ускользанием» [6. С. 99]. Высказанная М. Волошиным мысль развивается в ряде других исследований ([7. С. 585; 8. С. 171; 9. С. 90]).

П. Баренбойм в работе, посвященной описанию изваянной Микеланджело статуи Лоренцо Медичи — его «духовного отца», обращает внимание на мало-значущую, на первый взгляд, деталь — помещенную под левым локтем статуи Лоренцо шкатулку, на крышке которой изображена голова мыши. По мнению исследователя, эта деталь, отражающая влияние восточной культуры на творчество великого итальянского скульптора, далеко не случайна, поскольку представляет «мышь как символ всепожирающего Времени» [10. С. 8].

Вполне закономерно поэтому, что образ мыши наделяется глубинной негативной символикой в текстах художественной литературы. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» «мышь появляется как нечто презренное и скверное, более того, в лихорадочном состоянии героя как некий символ болезни, чумы или галлюцинации. Раскольников сам себя позиционирует как мышь. Он не видит себя презренным, скверным — он чувствует себя жертвой».

Более глубоким «дьявольский» образ мыши предстает в одном из эпизодов романа Достоевского «Бесы», где речь идет о кощунственном событии — ограблении иконы Богородицы и надругательстве над святыней: «И вот икона была в одну ночь ограблена, стекло киота выбито, решетка изломана и из венца и ризы было вынута несколько камней и жемчужин. Но главное в том, что кроме кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь». В этом случае мышь становится «бесовским оружием», и здесь уже уместно говорить «об образе мыши как о помощнике злых, дьявольских сил, действующих против Бога» [11. С. 118—119].

Далеко не безобидна роль мыши и в широко известном фольклорном тексте — сказке «Курочка Ряба» с учетом того, что в архаичных сказочных текстах, включенных в сборник А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (№№ 70 и 71), после разбивания мышкой яйца происходят потрясающие воображение события, развивающиеся по сценарию «апокалипсиса», поскольку рушится (и в переносном, и в буквальном смысле слова) не только материальный микромир, но и представлявшиеся нерушимыми духовно-религиозные устои: (1) *Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась; просвирия все просвиры изломала и побросала, дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола, а поп побежал, все книги изорвал;* (2) *Об этом яичке старой стал плакать, баба рыдать, веревки — хохотать, курицы летать, ворота скрипеть. Сор под порогом закурился, двери по-*

бутусились, тын рассыпался. Поповы дочери шли с водою, ушат приломали; по-падья кваиню месила — все тесто по полу разметала. Поп стал книгу рвать — всю по полу разметал! [12. С. 83—84]. При этом важно учитывать, что мышь разбивает яйцо — универсальный символ мироздания, снесенное, однако, не обычной, а *рябой* курицей, устойчиво осмысляющейся в сфере традиционной культуры как воплощение нечистой силы, а значит — несчастья, беды, разрушения. Таким образом, «ключом» к пониманию данной сказки можно считать эпитет *ряба*, то есть *рябая, пестрая*. Снесенное *рябой* (негативно маркированной, т.е. ассоциирующейся с несчастьем, болезнью и смертью) курицей яйцо содержит соответственно огромную негативную (деструктивную, разрушительную) энергию, которая высвобождается после разбивания яйца мышью — животным, также наделяемым связью с нечистой силой [13. С. 43—58].

В немецкой сказке, записанной в начале XIX века на острове Рюген, отражен мотив превращения в мышей дочерей, проклятых матерью: «Мать проклинает семь дочерей за нарушение ими запрета в Великую пятницу, дочери обращаются в мышей и бросаются в воду; мать с горя превращается в камень, вокруг которого ночью танцуют и поют дочери-мышь» [14. С. 190].

2. Символика мыши в традиционной культуре славян

Символика мышей в славянской народной традиции исчерпывающе описана в фундаментальной монографии А.В. Гуры [3. С. 403—416], насыщенной богатейшим этнокультурным материалом. Так, согласно украинским верованиям, в купальскую ночь ведьма в облике мыши отбирает молоко у чужих коров. По белорусскому поверью, мышь, оказавшаяся в выкопанной могиле, означает, что покойник был колдуном и что злой дух в облике мыши вышел, чтобы забрать его душу. Болгары считают, что мыши произошли от дьявола, лопнувшего в церкви от запаха ладана. Широко известна легенда о том, что во время всемирного потопа мышь прогрызла дыру в Ноевом ковчеге, которую заткнула своим хвостом кошка. Русские полагают, что тот, кому мыши погрызут одежду или обувь, вскоре умрет; у белорусов приметой смерти является шуршащая под кроватью мышь [3. С. 403—405]. Обилие мышей на полях, как считают поляки, может служить предвестием иноземного нашествия; у болгар появление множества мышей предвещает неурожай и голод, войну, эпидемию или морозную зиму. На Севере России мышь воспринимается как плохая примета при отправлении в дорогу. У болгар мышь, перебежавшая человеку дорогу или пробежавшая у него под ногами, сулит ему неудачу или беду. Поляки считают, что мышь, пробежавшая в церкви во время венчания, сулит новобрачным несчастливую жизнь в браке [3. С. 414].

Традиционной культуре южных славян известны «мышинные дни», или «мышинные праздники» — один или два-три дня осенне-зимнего периода, в течение которых проводились обряды для защиты домов и амбаров от мышей (болг. *Миши празници, Мишовден, Мишовина*; серб. *Мишији дан*, макед. *Мишоловден* и др.). В «мышинные дни» принято было задабривать грызунов, готовя для них угощение: в Болгарии женщины варят кукурузу и разбрасывают ее по дому,

«чтобы мыши были сыты и не причиняли вреда»; выпекают пресный хлеб, который разламывают на множество кусочков и кладут во все углы дома и дворовых помещений, «чтобы мыши поели в канун праздника и были милостивы к людям»; затыкают мышиные норы камешками и присыпают их пеплом, после чего выпекают для мышей маленькие лепешечки, намазывают их медом и кладут рядом с заделанными отверстиями [15. С. 346]; на Андреев день (13. XII) мышам оставляют в амбаре горсть сваренных зерен, чтобы летом они не вредили посевам [3. С. 412]. По поверью западных украинцев, мышиная нора «является местом обитания домашнего духа “хованца”», прислуживающего хозяину дома» [3. С. 403]. При окончании жатвы в Польше оставляют мышам последний пучок несжатых колосьев, полагая, что в этом случае они не будут навеваться в овин. Белорусы в день Рождества и в течение всего святочного периода называют мышей не иначе, как *панночками*, *паненками*, *паненачками* [3. С. 408—409].

Вместе с тем в славянской традиционной культуре предпринимались магические действия, направленные на борьбу с мышами. Так, украинские крестьяне «при перевозке первых снопов с поля в овин читали специальную молитву от мышей». В Болгарии совершаемые женщинами магические действия сопровождались ритуальным диалогом. Например, одна женщина во всех четырех углах дома изготавливает из земли кресты, а другая женщина спрашивает: «Что ты лепишь, баба?» — «Залепляю мышам глаза» — «Лепи, чтобы залепить их». В другом случае женщину, которая засовывала головешку в мышиную нору, спрашивали: «Что втыкаешь, баба?». Первая отвечала: «Втыкаю в норы мышам, чтобы у них сгорели глаза и они ничего не ели» [3. С. 409—411].

3. Символика мыши в китайской культурной традиции

В китайском языке (как и в русском) встречаются немногочисленные устойчивые словосочетания с компонентом *мышь*, дающие оценку различным негативным качествам людей. Сравн.: кит. 胆小如鼠 *dǎn xiǎo rú shǔ* (букв.: становится маленьким, как мышь) ‘малодушный, робкий, трусливый человек’ и рус. *сидеть как мышь* ‘затаиться, бояться’; кит. 鼠窃狗偷 *shǔ qiè gǒu tōu* (букв.: мыши украли собаку) ‘нечестный, нечистый на руку человек’ и рус. *мышинная возня* ‘мелкие интриги, недостойные дела’; кит. 城狐社鼠 *chéng hú shè shǔ* (букв.: город лис, общество мышей) ‘высшая коррумпированная власть’ и др. [16. С. 337]. Для борьбы с мышами китайцы предпринимали некоторые магические действия: мышиную норку заделывали и читали заклинания против мышей, желая, чтобы «из десятка мышей девять ослепли, а десятая попала в лапы коту» [17].

В целом же в традиционных воззрениях китайцев мышь воспринимается как «одно из самых почитаемых животных лунного китайского календаря», статус которого непререкаем: «Это связано с буддийской легендой, рассказывающей о том, что, когда Будда позвал всех зверей на празднование Нового Года и, соответственно, на прослушивание праздничной проповеди, именно Мышь явилась к нему самой первой (всего пришли двенадцать животных, которые и

стали знаками китайского календаря). Согласно другому варианту этой легенды Будда созывал животных проститься с ним перед его уходом в нирвану, и снова Мышь пришла первой. Таким образом, Мышь открывает новый двенадцатилетний цикл восточного (китайского) календаря» [16. С. 336].

Неслучайно поэтому китайская мифология наделяет мышь сверхъестественными магическими способностями и внешностью. Так, в одной из китайских легенд рассказывается о мыши *ту* и птице *ту*, живших как супруги на горе Няошутун-сюэшань. «Эта птица и мышь вместе выкопали на горе нору, в которой они жили в полном согласии: птица выходила наружу искать пищу, а мышь в норе ведала домашним хозяйством, как будто это были любящие супруги. Когда у них родилась дочь, они вместе кормили ее, и так продолжалось до тех пор, пока детеныш не стал взрослым» [18. С. 40]. В другой легенде описываются росшие на горах горящие деревья, которые освещали негасимым пламенем стоявший на вершине священной горы Куньлунь величественный дворец императора Хуан ди. «В этом большом пламени, — говорится в легенде, — жила мышь величиной более быка, а весом в тысячу цзиней, и каждая шерстинка длиною в два чи на ее шкуре была тонка, как шелковая нить. У этой мыши, жившей среди огня, тело было красное, а когда она выходила из пламени, то становилась белой, как снег. Как только она отделялась от огня, она немедленно обливала себя водой и умирала, и тогда ее шерсть стригли, пряли нить и ткали материю, а потом шили из нее одежду. Ее никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, то нужно было бросить ее в огонь, и она становилась чистой, как новая, и люди ее называли *хохуань-бу* ‘ткань, которую стирают в огне’» [18. С. 43].

Представления о реальной жизнеспособности и большой плодовитости мышей послужили основой популярного свадебного обычая китайцев: родственники новобрачных «вырезают из бумаги пару мышей и наклеивают их на стену в спальне супругов — хозяев дома, с тем, чтобы способствовать быстрому увеличению семьи [19. С. 39].

С исключительно положительной символикой мышей связано и позитивное восприятие китайцами летучих мышей на новогодних благопожелательных картинках *няньхуа*: на рисунках нередко изображались вылетающие из шкатулки пять летучих мышей, что «прочитывалось» людьми как пожелание счастья, поскольку в китайском языке понятия «летучая мышь» и «счастье» передаются разными, но совпадающими по звучанию иероглифами — (fu) [20. С. 84]. Цифра *пять* в данном случае так же глубоко закономерна, так как счастье в сознании китайцев понимается как «расчлененное понятие», состоящее из «пяти счастливых» — долголетия, богатства, здоровья, добродетели и естественной смерти [21. С. 175].

В традиционной китайской живописи нередко встречаются изображения мышей, питающихся различными плодами (рис. 1). Особенно же показательна для иллюстрации китайской культурной традиции следующая картина: мыши приносят к наполненной зерном корзине, на которой изображен иероглиф 福 (fú) ‘счастье’, слитки золота, являющегося одним из воплощений счастья (рис. 2) [22].

Рис. 1 / Fig. 1

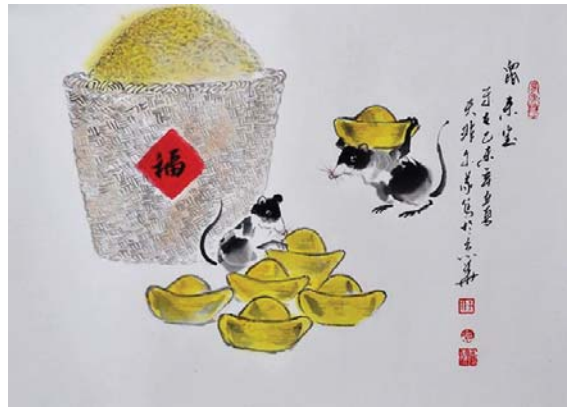

Рис. 2 / Fig. 2

Одним из обычаев Нового года в Китае, который приурочивался к завершению новогоднего цикла — Празднику фонарей, была 老鼠婚礼 *lǎoshǔ hūnlǐ* — мышиная свадьба: «Мышь представляла в народном сознании столь могущественным существом, что ее старались задобрить, и она была одним из популярных божеств богатства». Обычно в день мышиной свадьбы китайцы рано гасили огни и ложились спать, чтобы не мешать мышам и не возбуждать их гнев. У мышиной норки при этом раскладывали угощение для ее обитателей: рассыпали зерно, клали фрукты и земляные орешки. В некоторых провинциях дети ударяли по крышке котла и другим металлическим предметам, создавая своего рода звуковое оформление свадьбы. В Маньчжурии мышь чествовали дважды в течение первого месяца года: 5-го числа отмечали день ее рождения, а 27-го — день ее свадьбы. В обоих случаях зажигали на ночь фонари, жгли сосновые ветви и ставили у мышиной норки выпеченную из муки плоскую с горящим маслом [17]. В этот вечер «ужинают слепленными из теста мышиными лапками, чтобы этим ускорить свадебный процесс, и хвостами скорпиона, чтобы защитить мышей от его укуса, и в темноте же жарят соевые бобы». На юге Китая «люди обычно готовят конфеты из кунжута и кукурузных зерен и с наступлением ночи дети кладут их в местах, где часто замечали мышей, и громко бьют в кастрюли и сковородки, приветствуя невесту-мышь [19. С. 38].

4. Китайские лубочные картинки «мышиная свадьба» и их русские параллели

Особый интерес представляют традиционные китайские лубочные картинки с изображением мышиной свадьбы. Одна из таких картинок (рис. 3) разделена на два уровня: на нижнем представлены нарядная мышь-невеста, которую несут в паланкине четверо слуг, и мышь-жених, сидящий верхом на лошади и оглядывающийся на невесту, а также сопровождающие «новобрачных» их ближайшие родственники со свадебным знаменем, транспарантами и праздничны-

ми фонарями; в верхнем уровне картинке две мыши играют в трубы и еще две мыши подносят сидящему в правом верхнем углу огромному коту угощение, чтобы его задобрить и вызвать его расположение к молодым. Лубок имеет не только шуточно-развлекательный, но и назидательный характер: «Кот как бдительный страж присутствует на мышиной свадьбе, принимает дары, а потом бросается на гостей и съедает и жениха, и невесту» [23. С. 66].

Определенной аналогией китайского лубка «Мышиная свадьба» является известная русская лубочная картина «Мыши кота погребают» (рис. 4), хотя ее общая направленность совершенно иная: мыши, притворяясь скорбящими, безмерно радуются «смерти» кота, который в момент его погребения оживает и съедает мышей, участвовавших в его «похоронах». Текстовым воплощением русской лубочной картины является сказка В.А. Жуковского «Как мыши кота хоронили». Главный герой сказки — «хитрый котище Федот Мурлыка» — ловко обманывает всех своих врагов во главе с Царицей Прасковьей и крысой Онуфрием Премудрым: притворившись мертвым (повешенным) и дождавшись, когда на его поминки соберутся все обитатели подполья, Мурлыка «оживает» и уничтожает множество мышей: «Вдруг наш покойник очнулся. Мы — бежать... Куда там! Пошла ужасная травля. Двадцать нас осталось на месте, а раненых втрое более было» [24].

В отличие от китайского лубка изображения мышей, число которых в разных вариантах русской картинке колеблется от 21 до 66, сопровождаются забавными надписями, избилующими разговорно-сниженной лексикой: *Знатная подпольная мышь крыночная блудница напоследок коту послужили на чухонския дроги, связав лапы, положили, хотят печаль утолить, а кота в говенной яме утопить; На дорогах сидит кучер из навозных кучи; Искусная мышка из Немецкой лавки, взявши свирель в лапки, умильно играет, кота проклинает; Деревенская мышь Сарпа в свирелку играет, а ладу не знает; Мышь из Рязани в синем сарафане, идучи так горько плачет, а сама в присядку скачет; Мышь несет склянницу вина, а другая закуску полтора блина; Мышь заткнула за пояс тряпицу, а сама поигрывает в скрипицу; Мышь пищит, пироги тащит; Мышь Барабошка несет рогожку; Мышь с Арбата очень горбата, велит собрать тарелки и подносить горелки; Мышонок ушибено рыло несет жареной рыбы; Мышь палена несет ядро калено пиво разогревать; Мышь идет невесела объелась киселя и др.* [25].

Приведенные сведения указывают на пародийно-шуточное содержание русского лубка: сопровождающие «похоронную процессию» мыши выражают скорбь лишь внешне; внутренне же они, естественно, торжествуют, участвуя в погребении своего извечного врага. Закономерно поэтому, что в словаре М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (СПб, 1896) устойчивое словосочетание *Мыши кота погребают* трактуется как ‘плач ханжи; притворная печаль’ [26. С. 218]. Названная паремия, опирающаяся на популярный сюжет и устойчивую культурную традицию, продолжает активное функционирование в текстах разного типа [27; 28. С. 198—200]. См. подробнее: [29. С. 194—196].

Рис. 3 / Fig. 3

Рис. 4 / Fig. 4

Между китайской и русской забавными «мышинными» народными картинками имеется все же определенное сходство, заключающееся в том, что главными их «героями» являются мыши и коты, участвующие в ритуальных процессах, и в том, что кот в обеих картинках представлен как хитрец и обманщик: «Он прикинулся мертвым или притворился добрым стражем на свадьбе — итог его действий один: он пользуется доверчивостью мышей, чтобы наброситься на них и пожрать их» [23. С. 67]. Сравн. в связи со сказанным китайский фразеологизм 猫苦耗子 *māo kǔ hào zǐ* (букв.: кот оплакивает мышью) 'о неискреннем, фальшивом сопереживании неудаче, несчастью' [30. С. 34].

5. Восточные сказочные тексты на тему мышиной свадьбы и южнославянский обряд «мышинная свадьба»

Китайская народная картинка «Мышиная свадьба» (как и русский лубок «Мыши кота погребают») имеет соответствующее текстовое выражение. Так, в тайваньской сказке «Мышиная женитьба» рассказывается о мышью-отце, который решил найти для своей красавицы-дочери не простого, а выдающегося жениха. Вначале он подумал, что самым подходящим женихом для дочери может быть Солнце, но Солнце сказало, что Туча, затмевающая солнечные лучи, значительно сильнее его; Туча, в свою очередь, признала преимущество Ветра, а тот заявил, что не может, несмотря на всю свою огромную силу, сдвинуть с места Гору. Однако и Гора отказалась назвать себя самой сильной: «Я не могу двигаться, а мыши с легкостью прокапывают во мне норы, поэтому я думаю, что мыши самые выдающиеся». После этого мышью-отец понял, что на роль зятя для его дочери лучше всего подходит простая мышшь [31].

По сходному сюжету разворачиваются события в бирманской сказке «Как мышке жениха искали»: сначала в поисках самого сильно жениха родители невесты обратились к Ветру, но тот сказал, что сильнее его Камень (*С утра до вечера дую я на него, а с места так и не сдвинул*), Камень заявил, что сильнее его Буйвол (*Каждый день точит он об меня рога, и я ничего не могу с ним поделат*), Буйвол заметил, что сильнее его Кнут (*Я всегда его слушаюсь*), а Кнут переадресовал родителей мышкы к «какому-то сильному зверю, который живет в углу» (*Каждую ночь он грызет меня, и я ничего не могу с ним поделат*). В углу хлева обнаружили норку, в которой жил молодой мышшонок, согласившийся жениться на красавице-мышке [32].

Японская сказка «Мышиная свадьба» повествует о главе мышиноного семейства, который также желает выдать свою дочь за самого сильного. Он встречается и разговаривает с Солнцем, Облаками, Ветром и большой Стеной, но в конце концов понимает, что для его дочери лучше всего будет выйти замуж за представителя своего мышиноного рода [33].

В осетинской народной сказке мышь-жених решил жениться на дочери того, кто сильнее всех, и последовательно обращается к Месяцу, Солнцу, Туче, Ветру, Быкам, Плугу, Корню и наконец убеждается, что маленькая мышь может легко перегрызть толстый корень [34].

Таким образом, словосочетание *мышинная свадьба*, служащее для названия сказочного сюжета, становится устойчивым оборотом и приобретает переносное значение 'равный брак'.

В славянской культурной традиции обряд «Мышиная свадьба» проводился не для задабривания мышей, а для изгнания их из села. У болгар две женщины ловили пару мышей (самца и самку), наряжали их как молодоженов (обычно надевали «невесте» фату), связывали их и сажали в тыкву или в корзину. Участвовавшие в обряде крестьяне изображали сватов, священника, свадебных кума и куму и обходили село с парой мышей, а за селом бросали их с высокого холма, оставляли в лесной чаще или топили в месте слияния двух рек. При этом желали им пожениться в другом селе и больше не возвращаться. После этого устраивали пирушку с песнями и плясками, как на настоящей свадьбе [3. С. 413].

Заключение

Таким образом, сопоставительное описание символики мыши в славянской и китайской лингвокультурах позволило выявить как принципиальное отличие в представлениях об этих животных у носителей этих культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к мыши, у славян и китайцев. Установлены глубинные мифологические представления о мыши, сформировавшие безотчетный, подсознательный страх людей при ее восприятии (мышь как таинственное, хтоническое животное, как воплощение «того света»; как символ быстротекущего «ускользающего» времени). Из этой «точки отсчета» проистекает двойственное отношение к мыши в традиционной духовной культуре славян: с одной стороны — как к вредителю, наносящему немалый хозяйственный ущерб, а с другой — как к животному, которое необходимо задобрить, приурочив этот ритуал к «мышинным дням». В традиционной картине мира китайцев, вовсе не лишенной прагматического, «приземленного» восприятия вредоносных грызунов, мыши наделяются множеством позитивных качеств существ, оказывающих влияние на деторождение, материальный достаток и благополучие человека, что, в частности, отражено и в китайском изобразительном искусстве. Важным источником выявления этнокультурной символики мыши в славянской и китайской традициях являются народные лубочные картинки, отражающие (хотя и в комической форме) устойчивые представления носителей этих культур о мышах.

Библиографический список

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. в 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.
2. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 21. Под ред. акад. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1994.
3. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 19: Мутаситься—Накучить. Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1983.
5. Китайский толковый словарь. Режим доступа: <https://www.zdic.net/hans/%E9%BC%A0> (дата обращения: 10.01.2020).
6. *Волошин М.* Аполлон и мышь // Лики творчества. Л.: Наука, 1989. С. 96—111.
7. *Бонецкая Н.К.* Аполлон Мышиный // Бонецкая Н.К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 580—591.
8. *Бужор Е.С.* Онтология творчества Максимилиана Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2012. no 4. С. 170—176.
9. *Гудимова С.А.* Аполлон-Сминфей (Мышиный) // Вестник культурологи. 2019. no 2 (89). С. 83—91.
10. *Баренбойм Петр.* Восточное влияние на Микеланджело: в чем мог ошибиться великий Панофский. М.: ЛУМ, 2017.
11. *Хусяинова Г.И.* Многозначность образа мыши в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» // Филологические науки. 2012. Вып 5. С. 118—121.
12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 1. Издание подготовили Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984.
13. *Коваль В.И.* Текст и язык: поиски истоков: монография. Минск: РИВШ, 2012.
14. *Топоров В.Н.* Мышь // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия, 1988. С. 190—191.
15. *Плотникова А.А.* «Мышиные дни» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 346—347.
16. *Суван-оол Е.С., Лебедева И.О.* Образ мыши как отражение характерных черт облика и характера человека в русской и китайской культуре (на материале фразеологизмов русского и китайского языка) // Молодой ученый. 2012. no 12. С. 336—339.
17. Традиционные развлечения в китайский Новый год. Режим доступа: <https://magazeta.com/cny-customs-6/> (дата обращения: 10.02.2020).
18. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
19. *Сомкина Н.А.* Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2010. no 1. С. 30—46.
20. *Фу Сяося.* Тайна и символика китайского благопожелательного рисунка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2010. no 16 (197). Вып. 17. С. 83—90.
21. *Ли Цяньюха, Смирнов И.Б.* Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология. 2013. no 3. С. 175—185.
22. Образ мыши в китайской живописи. Режим доступа: <http://dveimperii.ru/articles/myshi-v-kitajskoj-zhivopisi> (дата обращения: 01.02.2020).
23. *Алексеева М.А.* Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в. // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1983. С. 45—79.

24. Как мыши кот хоронили. Сочинение В. Жуковского. Рисунки Г. Нарбут. Режим доступа: <http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html> (дата обращения: 25.01.2020).
25. Как мыши кот хоронили. Режим доступа: <http://commons.wikimedia.org/wiki> (дата обращения: 15.02.2020).
26. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1896.
27. Андреев О. Как мыши кот хоронили: Стих. Режим доступа: <https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xogonili> (дата обращения: 17.01.2020).
28. Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петербург: Государственное издательство, 1922.
29. Коваль В.И. Паремия *Мыши кот погребают*: происхождение и функционирование // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / Гл. ред. Е.В. Ничипорчик. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 194—198.
30. Бунакова Р.Ю. Образ кошки в китайской литературной традиции (на материале романа Лао Шэ «Записки о кошачьем городе») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. по 5 (23). часть 1. С. 33—38.
31. Тайваньские рассказы. Мышиная женитьба. Режим доступа: <https://bkr.info/wiki/page/> (дата обращения: 28.01.2020).
32. Как мышке жениха искали (Бирманская сказка). Режим доступа: <http://www.planetaskazok.ru/drugnarodskz/kak-mishke-jeniha-iskali> (дата обращения: 15.01.2020).
33. Нэдзуми. Мышиная свадьба. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/2988966/post121673936/> (дата обращения: 15.01.2020)
34. Мышиная свадьба. Осетинская сказка. Режим доступа: http://mirckazok.ru/view_post.php?id=2421 (дата обращения: 14.01.2020).

References

1. Fasmer, M. (1987). Etymological Dictionary of the Russian Language. in 4 vols. Vol. 3. O.N. Trubachev (ed., transl.). Moscow. (In Russ.).
2. Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund. (1994). Issue 21. O.N. Trubachev (ed.). Moscow. (In Russ.).
3. Gura, A.V. (1997). *The symbolism of animals in the Slavic folk tradition*. Moskow. (In Russ.).
4. Dictionary of Russian folk dialects (1983). Vol. 19. Leningrad. (In Russ.). (In Russ.).
5. Chinese explanatory dictionary. URL: <https://www.zdic.net/hans/%E9%BC%A0> (accessed: 01/10/2020). (In Chinese).
6. Voloshin, M. (1989). Apollo and mouse In *Faces of creativity*. Leningrad. pp. 96—111. (In Russ.).
7. Boneckaya, N.K. (2016). Apollo Mouse In *Spirit of the Silver Age (phenomenology of the era)*. Moscow, St. Petersburg. pp. 580—591. (In Russ.).
8. Buzhor, E.S. (2012). Ontology of Maximilian Voloshin. Bulletin of RUDN University. Philosophy Series. 4. pp. 170—176. (In Russ.).
9. Gudimova, S.A. (2019). Apollon-Sminfey (Mouse) In *Bulletin of culturologists*. 2 (89). pp. 83—91. (In Russ.).
10. Barenboim, Peter (2017). *Eastern influence on Michelangelo: what could have been the mistake of the great Panofsky*. Moscow. (In Russ.).
11. Khusyainova, G.I. (2012). The ambiguity of the mouse image in the novel by F. M. Dostoevsky “Notes from the Underground” In *Philological Sciences*. 5. pp. 118—121. (In Russ.).

12. Folk Russian fairy tales A.N. Afanasyev (1984). In three volumes. T. 1. The publication was prepared by L.G. Barag, N.V. Novikov. Moscow. (In Russ.).
13. Koval, V.I. (2012). Text and language: the search for sources: Monograph. Minsk. (In Russ.).
14. Toporov, V.N. (1988). Mouse In *Myths of the peoples of the world*. Vol. 2. Moscow. pp. 190—191. (In Russ.).
15. Plotnikova, A.A. (2004). “Mouse days” In *Slavic antiquities*. Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 3. Moscow. pp. 346—347. (In Russ.).
16. Suvan-ool, E.S. & Lebedeva, I.O. (2012). The image of a mouse as a reflection of the characteristic features of the appearance and character of a person in Russian and Chinese culture (based on phraseological units of the Russian and Chinese languages). *Young Scientist*, 12, 336—339. (In Russ.).
17. Traditional entertainment in the Chinese New Year. URL: <https://magazeta.com/cny-customs-6/> (accessed: 02/10/2020). (In Russ.).
18. Yuan, Ke. (1965). Myths of ancient China. Moscow. (In Russ.).
19. Somkina, N.A. (2010). Traditions of zoomorphic symbolism in the ritual side of everyday beliefs (old China and modernity). *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 13, 1*, 30—46. (In Russ.).
20. Fu, Xiaosia. (2010). The mystery and symbolism of the Chinese benevolent drawing. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, Philosophy. Sociology. Culturology*, 16 (197), 17, 83—90. (In Russ.).
21. Li, Qianhua & Smirnov, I.B. (2013). The concept of “happiness” in Chinese proverbs and sayings, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3, 175—185. (In Russ.).
22. The image of a mouse in Chinese painting. URL: <http://dveimperii.ru/articles/myshi-v-kitajskoj-zhivopisi> (accessed: 02/01/2020). (In Russ.).
23. Alekseeva, M.A. (1983). Wood engraving “Cat mice dragging a cat to the graveyard” — a monument of Russian folk art of the late XVII—early XVIII centuries In *Russian literature of the XVIII—early XIX century in the socio-cultural context*. Leningrad. pp. 45—79. (In Russ.).
24. How the cat’s mice were buried. Composition by V. Zhukovsky. Drawings by G. Narbut. URL: <http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html>. (accessed: 01/25/2020). (In Russ.).
25. How the cat’s mice were buried. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki> (accessed: 02.15.2020). (In Russ.).
26. Mikhelson, M.I. (1896). *Walking and apt words*. The second revised and significantly enlarged edition. St. Petersburg. (In Russ.).
27. Andreev, O. *How cat mice were buried: Verse*. URL: <https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xoronili> (accessed: 01/17/2020). (In Russ.).
28. Lepeshinsky, P.N. (1922). *At the turn (from the end of the 80s to 1905). A passing impression of a participant in the revolutionary struggle*. Petersburg. (In Russ.).
29. Koval, V.I. (2019). *Premia Cat mice are buried: origin and functioning* In *Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum: collection of scientific articles*, E.V. Nichiporchik (Ed.). Gomel. pp. 194—198. (In Russ.).
30. Bunakova, R.Yu. (2013). The image of a cat in the Chinese literary tradition (based on Lao She's novel Notes on a Cat's Town), Philological Sciences. *Questions of theory and practice*, 5 (23-1), 33—38. (In Russ.).
31. Taiwanese stories. Mouse marriage. URL: <http://bkrs.info/wiki/page/> (accessed: 01/28/2020). (In Russ.).
32. How to look for the groom's mouse (Burmese tale). URL: <http://www.planetaskazok.ru/drugnarodskz/kak-mishke-jeniha-iskali> (accessed: 01/15/2020). (In Russ.).
33. Nezumi. Mouse wedding. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2988966/post121673936/> (accessed: 01/15/2020). (In Russ.).

34. A mouse wedding. Ossetian tale. URL: http://mirckazok.ru/view_post.php?id=2421 (accessed: 01/14/2020). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; *Научные интересы*: русская и сопоставительная лексикология и фразеология, этнолингвистика, гендерная лингвистика; *e-mail*: vlad-kov@mail.ru.

Information about the author:

Vladimir I. Koval. Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics; Gomel State University named after Francis Skorina; *Research interests*: Russian and comparative lexicology and phraseology, ethnolinguistics, gender linguistics; *e-mail*: vlad-kov@mail.ru.